

ДОРОГУ НОВОМУ!

ДВА миллиона изобретателей и рационализаторов в мишущем году внесли свыше трех миллионов усовершенствований в производство. Более двух миллионов изобретений и рационализаторских предложений внедрено в народное хозяйство. Страна получила свыше одиннадцати миллиардов рублей экономии.

Ни для кого, однако, не секрет, что многие ценные изобретения внедряются пока еще медленно. Почему же задерживается реализация изобретений, что нужно сделать, чтобы снять барьеры с пути изобретателей?

Мы публикуем сегодня беседу нашего корреспондента Б. Дунаевского с заместителем председателя Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР и председателем Экспертного совета Комитета В. А. Поповым.

1. Растет ли активность изобретателей?

Судить об этом можно хотя бы по тому, что за прошлый год число авторских заявок на изобретения превысило до 44 тысячи. До образования Комитета по делам изобретений и открытий — в 1955 году — заявок было подано менее 19 тысяч. В этом росте, конечно, сказались условия первого года семилетки, ее величественные перспективы, окрыляющие мысль наших новаторов. Сказались так ярко проявившиеся в последние годы грандиозные достижения нашей науки и техники, которые будят мысль изобретателя. Но и организационную сторону дела тоже не следует сбрасывать со счетов.

Замечено, что наличию организованного центрального руководства изобретательством в нашей стране всегда сопутствовали повышение активности изобретателей и, естественно, рост числа заявок. Наоборот, в периоды, когда не было такого централизованного руководства, количество заявок падало.

2. Заявка подана. Как оформляется авторское свидетельство?

Это не обязательно с какими трудностями. Если поступившее в Комитет предложение признано изобретением, на него выдается авторское свидетельство или патент — по желанию автора заявки. Срок для этого установлен в четыре месяца со дня подачи заявки, и в подавляющем большинстве случаев он выдерживается. Мы оформляем авторское свидетельство намного быстрее, чем в зарубежных странах. Так, средний срок рассмотрения заявок на изобретения американским патент-офисом — три с половиной года, в Великобритании — около четырех лет.

3. Помогает ли Комитет внедрять изобретения?

Мы регулярно рекомендуем изобретения к разработке и внедрению совнархозам или министерствам. Конечно, мы направляем в совнархозы лишь те изобретения, которые могут найти применение на предприятиях данного экономического района. Периодически Комитет контролирует, как выполняют совнархозы наши рекомендации.

Не следует, однако, думать, что мы всегда стоим за немедленное внедрение любого изобретения. Переход предприятия на выпуск новой модели бывает иной раз целесообразным, пока не будут амортизированы и полностью окупат себя оборудование и приспособления, примененные для производства старых моделей. Не всегда поэтому представляются правильными появившиеся в нашей печати требования немедленного перехода на производство вновь изобретенных моделей лишь потому, что они более экономичны.

4. Чем объяснить, что Московский городской совнархоз отклонил большинство рекомендованных Комитетом изобретений, ссылаясь на то, что они не соответствуют профилю его предприятия?

Если говорить об изобретениях, которые отклонены как не оправдавшие себя при испытаниях, либо потому, что на производстве найдено лучшее решение, — тут можно допустить правомерность действий совнархоза. Такое бывает. На предприятии все в движении, все изменяется, совершенствуется, и

если на месте родилось изобретение, превосходящее присланное нами, было бы неразумно принимать худшее.

Ссылки же на то, что изобретения не соответствуют профилю производства, являются под собой покров. Комитет располагает подробным перечнем предприятий экономического района, и не может быть такого положения, чтобы почти три четверти изобретений, предложенных совнархозу, были направлены туда ошибочно.

5. А как в других совнархозах? Не существует ли какой-либо общей причины для такого отношения к новому?

Нелепо было бы, конечно, предположить, что все руководители промышленности не желают внедрять новые изобретения. Мы имеем много примеров быстрого, можно сказать, молниеносного применения ряда изобретений. Но имеется также немало случаев отказа от внедрения важных изобретений, и общие причины для этого, к сожалению, есть. Дело в том, что внедрение изобретения связано для предприятия с большими затратами и с известным риском, который ничем не компенсируется. Надо разработать технологическую программу изобретения, надо провести опыты, испытать, проверить его эффективность и т. д. Все это оттягивает людей и средства от выполнения основной программы предприятия.

Когда же после всех этих затрат изобретение освоено, другое предприятие спокойно, без усилий, без всяких хлопот и риска получает все чертежи, технологические карты. Оно может легко учесть результаты испытаний и, возможно, даже опередит завод-пионер. Мне думается, что предприятие, взявшее на себя внедрение изобретения, должно получить от этого определенную выгоду. Только тогда появится заинтересованность в быстрейшем внедрении изобретения.

6. Почему инструкция о вознаграждении автора возлагает дополнительные тяготы на тех, кто первым внедрил изобретение? Почему инициатор, застрельщик освоения, должен выплачивать вознаграждение не только за себя, но и за все предприятия, которые внедряют изобретение; почему он же обязан собирать у них и сведения о внедрении?

Вопрос о выплате авторского вознаграждения изобретателям весьма сложный. Вообще найти безупречную форму выплаты авторского вознаграждения изобретателям не просто. Мы, надо признаться, еще не отыскали такой идеальной формы.

7. Не можете ли вы назвать изобретения, имеющие важное значение для народного хозяйства, но невнедренные или внедренные очень медленно?

К сожалению, могу. Таких изобретений немало. Вот, скажем, способ формально-факельного зажигания в двигателях внутреннего сгорания. Это изобретение увеличивает коэффициент полезного действия, устраняет детонацию и экономит 10—15 процентов топлива. Между тем Горьковский автозавод уже девять лет тянет с внедрением этого изобретения и только сейчас занялся им всерьез.

Можно назвать еще дугостаторный привод к угольной мельнице для измельчения топлива на электростанциях. Это изобретение было предложено в 1937 году, но только в нынешнем году будет построен первый экземпляр машины.

С 1947 года длится работа над внедрением «автодины» профессора Венедикта. Это электрический привод, регулирующий силу и напряжение тока и

сущий значительную экономию.

Двадцать с лишним лет самоотверженно работает над внедрением нового типа высокооборотной газовой турбины ее изобретатель В. Богословский. Хотя достоинства этой турбины общезвестны, мы до сих пор не имеем ни одного ее экземпляра.

В примерах такого рода, к сожалению, нет недостатка. Но дело, конечно, не в переносе заглавных изобретений, а в том, чтобы найти пути ликвидации таких явлений.

8. Есть ли государственный план внедрения изобретений?

Да, есть. 1960 год — это первый год, когда внедрение наиболее важных изобретений вошло в государственный план и включено в производственные программы предприятий и организаций. Такой порядок, конечно, поможет ускорить реализацию многих важных изобретений. Однако государственное планирование — только одна из необходимых мер. Серьезным вопросом является организация стимулирования изобретателей. Принципы материальной заинтересованности играют немалую роль. Между тем выплата вознаграждения изобретателям все еще связана с многими трудностями и нередко зависит от произвола руководителей предприятий. Следует разработать такую систему, которая гарантировала бы изобретателю своевременную и полную выплату причитающегося ему вознаграждения.

Велика, на мой взгляд, роль нашей общественности в борьбе за уважение к таланту и труду изобретателя. Здесь много могут сделать наши писатели и журналисты.

Литература, к сожалению, дает нам пока одну-единственную сюжетную схему взаимоотношений производства и изобретателя. Это — противоядие бюрократам и карьеристам внедрению полезного новшества. А жизнь много богаче. Она изобилует и примерами внимательного, даже любящего отношения производственников к новому, прогрессивному. Но такой позитивный пример, который мог бы служить источником пользы, трудно найти в нашей художественной литературе, да и периодической печати он встречается не часто.

На снимке: трамплин в Сиво Вальи. Место, где решится спор сильнейших прыгунов мира.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЖДЕМ ОТВЕТА...

Частности, ответить, почему де сик пор:

1. Не создан в Москве институт геронтологии и экспериментальной патологии, для которого фактически уже имеется хорошая клиническая база. Организованный в Киев, как нам известно, почти не имеет клинической базы, и поэтому его немногочисленные сотрудники лишены возможности успешно осуществлять разработку важных проблем возрастной патологии.

2. В клиниках медицинских институтов, а также в крупных городских больницах и поликлиниках не созданы отделения и кабинеты геронтологии и возрастной патологии.

3. Не подведены итоги большой опытной новоканальной геронотерапии, начатой в 1918 г.: Г. Д. САВЧУК — член КПСС с 1917 г.; Д. М. ЛОГИНОВ — член КПСС с 1917 г.; А. Р. ВОЛКОВА — член КПСС с 1917 г.; Н. В. ТРИФОНОВ — член КПСС с 1917 г.; Я. И. СТАРОСТИН — член КПСС с 1918 г.; С. П. ВЕСЕЛОВ — член КПСС с 1913 г.; А. И. ЧЕРВЯКОВ — член КПСС с 1917 г.; А. В. КУДРЯШОВ — член КПСС с 1920 г.; И. Т. ДУНАЕВ — член КПСС с 1917 г.; И. И. ИВАНОВ — член КПСС с 1906 г.; Д. С. САЛИВАН — член КПСС с 1906 г.; И. И. ДАХНО — член КПСС с 1905 г.; М. М. КОНСТАНТИНОВ — член КПСС с 1915 г.; В. А. ПОЛОНСКИЙ — член КПСС с 1918 г.; А. Г. ПЛАТОВ — член КПСС с 1917 г.; А. В. МАТЮШОВА — член КПСС с 1914 г.; А. М. ГИДИН — член КПСС с 1918 г.; И. П. ГАУЛИН — член КПСС с 1917 г.; А. С. ЗАСЛАВСКАЯ — член КПСС с 1917 г.; М. Я. РЕИС — член КПСС с 1919 г.; Я. С. ПАВЛИН — член КПСС с 1919 г.; Ф. Ф. БЕГА — член КПСС с 1919 г.

Персональные пенсионеры: С. В. ОБРАЗЦОВ — член КПСС с 1918 г.; Г. Д. САВЧУК — член КПСС с 1917 г.; Д. М. ЛОГИНОВ — член КПСС с 1917 г.; А. Р. ВОЛКОВА — член КПСС с 1917 г.; Н. В. ТРИФОНОВ — член КПСС с 1917 г.; Я. И. СТАРОСТИН — член КПСС с 1918 г.; С. П. ВЕСЕЛОВ — член КПСС с 1913 г.; А. И. ЧЕРВЯКОВ — член КПСС с 1917 г.; А. В. КУДРЯШОВ — член КПСС с 1920 г.; И. Т. ДУНАЕВ — член КПСС с 1917 г.; И. И. ИВАНОВ — член КПСС с 1906 г.; Д. С. САЛИВАН — член КПСС с 1906 г.; И. И. ДАХНО — член КПСС с 1905 г.; М. М. КОНСТАНТИНОВ — член КПСС с 1915 г.; В. А. ПОЛОНСКИЙ — член КПСС с 1918 г.; А. Г. ПЛАТОВ — член КПСС с 1917 г.; А. В. МАТЮШОВА — член КПСС с 1914 г.; А. М. ГИДИН — член КПСС с 1918 г.; И. П. ГАУЛИН — член КПСС с 1917 г.; А. С. ЗАСЛАВСКАЯ — член КПСС с 1917 г.; М. Я. РЕИС — член КПСС с 1919 г.; Я. С. ПАВЛИН — член КПСС с 1919 г.; Ф. Ф. БЕГА — член КПСС с 1919 г.

НЕСКОЛЬКО Когда В опасности жизнь

Товарищ Кравченко! В больнице лежит без сознания радист самолета. Он очень плох! Может умереть! — просил пилот главарча.

Службное время кончилось, — ответил врач из-за закрытой двери, отпустил пилота от отравительного ругательства.

Совершенно случайно в дом, где живет врач детандис Л. В. Садовская, позвонил командир самолета А. Лебедев. У него несчастие, Садовская тут же отправилась в больницу. Одновременно кто-то привел хирурга Гусева, никакого отношения к имеющемуся к этой больнице. Они сделали все что могли, но было уже поздно.

Главный врач Кравченко и его заместитель Зоркова тоже пришли в больницу... чтобы подписать акт о смерти бортрадиста от кровоизлияния в мозг.

Врачи Краля профессия более почетна, более благородна! Сколько теплых слов благодарности высказано людям, несущим это звание!

Советский врач! Это — тысяча советских людей, скромно и незаметно совершающих ежедневный подвиг служения народу! Это — сотни тысяч вынесенных раненых с поля боя, это — миллионы людей, спасенных от различных заболеваний и несчастных случаев, это — кропотливый труд в лабораториях и институтах во имя сохранения здоровья и жизни людей. Сколько врачей занято каждую минуту этим подвигом! Сколько их днем и ночью спит в больницах, в любую погоду — на самолете, в автомобиле, на оленях или собаках! Спешат, чтобы спасти жизнь человека, иногда сами рискуя жизнью, облегчить его страдания, помочь.

А Зоркова? А Кравченко? Коллектив больницы осудил их. Материальными об их недостойном отношении к своему долгу отлучены в окрестностях. Надо полагать, там этих врачей также осудят. К сожалению, в Уголовном кодексе не предусмотрена статья, карающая за бездушные и циничные. Жаль! Нужна такая статья. И в приговоре народного суда эта статья должна быть названа первой среди тех статей, по которым будут — в этом не сомневайтесь — привлечены к ответственности Зоркова и Кравченко.

К. МИХАЛЕНКО, Герой Советского Союза, полковник авиации

Ответственность перед народом

ИМЕННО эта тема особенно остро звучит в выступлениях на III пленуме оргкомитета Союза работников кинематографии СССР, который, как мы уже сообщали, начался 16 февраля. Об этом говорил в своем докладе И. Пырьев, подробно проанализировавший положение нашего кино. Подчеркнув, что пленум должен иметь конкретный, деловой характер, производящий обдумывание генеральной линии создания фильмов на современном уровне, докладчик остановился на важнейших проблемах, которые предстоит решить на практике нашим киноварникам. Прежде всего это ценарная проблема. Пырьев предлагает создать сценарные мастерские при киностудиях. Высшие сценарные курсы при Союзе кинематографистов, активнее привлекать к работе в кино писателей.

Проанализировав ряд проблем актерского мастерства, остановившись подробно на причинах отставания киноактерии, Пырьев отмечает, что вопрос всех вопросов — это, конечно, связь художника с жизнью. Умение увидеть и запечатлеть ведущие тенденции времени, передать его светлый, оптимистический строй, выразить душевную красоту и богатство нашего героя, строителя коммунизма — вот главный и почетный долг советских кинематографистов.

В начавшихся вчера прениях выступили Р. Юренин, Б. Андреев, И. Вайсфельд, Ш. Усубалиев, Ю. Ханютин, Т. Левчук, Н. Кладов, В. Фролов, Н. Крюков и другие.

Невольная вызовом, дежурный врач Зоркова, она же и заместитель главного врача больницы, едва взглянув на больного, поставила унизительно — циничный диагноз:

«Это после пьянки. Отоспите!» И спокойно вернулся в клуб. Больной не приходил в сознание... Один из членов экипажа остался с Хоросhevским, другие помчались в поселок на поиски врачей.

Второй пилот А. Колесников побежал к дому главного врача больницы. Который стукнул даже не открыл дверь.

пессимиста из того анекдота о мальчике-пессимисте, который ни во что хорошее не верил и все видел исключительно в черном цвете.

До сих пор разговор шел о женщинах, но, надо сказать, что мужчинам — унылым, скучным, небритым — на экране отнюдь не меньше. Однако в отношении героев мужского пола мне хотелось бы указать не на эти примелькавшиеся персонажи, а на совсем новую, свежую тенденцию, которая, видимо, сложилась как протест против штампа, как антиштамп.

Уже в нескольких картинах и в одном сценарии мне довелось увидеть любопытный образ молодого непротивленца. Он обязательно немощен, хил, носит очки, он — студент, очень он и неприспособлен всяческому благородству. Но он странен. Его быт по ценам, был бы силен, с треском, со злобой, был бы ревностен, потому что героиням нравятся непритянуты, но современная интуиция Мышкин не отвечает на посыл. Он их смиренно и даже как бы гордо выдерживает. Этим самым притягивает дерущихся нахалов. Он как бы говорит: ты меня бей, а я вытерплю ради твоего переосмысления. Некоторые поют называли такой слободой вести беседу «мужским разговором».

Это тоже не может не породить атмосферу унылости. Юные страстотерпы tones способны навести на зрителей немалую тоску.

У людей, вооруженных самой оптимистической философией Ленинизма, не могут быть стойкими настроениями уныния и грусти. Даже если они кое у кого считаются модными и противопоставляются примитивизму и схематичности иных неумелых творений. Но для борьбы с этими последними — эта борьба необходима — орудие унылой фотографии и непроможденное бессмысленных горестей не годится. Здесь нужны смелость, страсть и талант. Великая любовь к жизни и глубокое понимание того нового, что в ней ежедневно рождается. Здесь нужна огромная сила жизнестроения, заключенного не столько в материале, который берет художник, сколько во взглядах автора, в мировоззрении и характерах героев. Интонация уныния, односторонняя, скудная прежде всего появляется там, где отсутствуют живые, многогранные характеры. Когда происходит подмена рассказа о человеке с определенными складом ума и души, который сталкивается с другими людьми, рассказом о человеке — нестелете статических, заданных черт, о внешних обстоятельствах его жизни.

Тут-то, при таком решении, авторам

ЖДЕМ ОТВЕТА...

Читатель! Требуется

В мае 1957 года коллегия Министерства здравоохранения СССР приняла решение об усилении научно-исследовательской и практической работы в области профилактики и лечения преждевременной старости. Как же выполняется это решение?

Нам известно, что геронтология, то есть учение о закономерностях развития и процессах старения в других странах уже давно выдвинулась из когда-то всеобъемлющей экспериментальной патологии в самостоятельную научную дисциплину, а гериярия, то есть учение о лечении болезней в пожилом и старческом возрасте, стала тем же полноценным разделом медицины, как и педиатрия.

Мы просим министра здравоохранения объяснить, почему наше здравоохранение в этой важной области отстает от некоторых других стран. В частности, ответить, почему не создан в Москве институт геронтологии и экспериментальной патологии, для которого фактически уже имеется хорошая клиническая база. Организованный в Киев, как нам известно, почти не имеет клинической базы, и поэтому его немногочисленные сотрудники лишены возможности успешно осуществлять разработку важных проблем возрастной патологии.

2. В клиниках медицинских институтов, а также в крупных городских больницах и поликлиниках не созданы отделения и кабинеты геронтологии и возрастной патологии.

3. Не подведены итоги большой опытной новоканальной геронотерапии, начатой в 1918 г.: Г. Д. САВЧУК — член КПСС с 1917 г.; Д. М. ЛОГИНОВ — член КПСС с 1917 г.; А. Р. ВОЛКОВА — член КПСС с 1917 г.; Н. В. ТРИФОНОВ — член КПСС с 1917 г.; Я. И. СТАРОСТИН — член КПСС с 1918 г.; С. П. ВЕСЕЛОВ — член КПСС с 1913 г.; А. И. ЧЕРВЯКОВ — член КПСС с 1917 г.; А. В. КУДРЯШОВ — член КПСС с 1920 г.; И. Т. ДУНАЕВ — член КПСС с 1917 г.; И. И. ИВАНОВ — член КПСС с 1906 г.; Д. С. САЛИВАН — член КПСС с 1906 г.; И. И. ДАХНО — член КПСС с 1905 г.; М. М. КОНСТАНТИНОВ — член КПСС с 1915 г.; В. А. ПОЛОНСКИЙ — член КПСС с 1918 г.; А. Г. ПЛАТОВ — член КПСС с 1917 г.; А. В. МАТЮШОВА — член КПСС с 1914 г.; А. М. ГИДИН — член КПСС с 1918 г.; И. П. ГАУЛИН — член КПСС с 1917 г.; А. С. ЗАСЛАВСКАЯ — член КПСС с 1917 г.; М. Я. РЕИС — член КПСС с 1919 г.; Я. С. ПАВЛИН — член КПСС с 1919 г.; Ф. Ф. БЕГА — член КПСС с 1919 г.

Персональные пенсионеры: С. В. ОБРАЗЦОВ — член КПСС с 1918 г.; Г. Д. САВЧУК — член КПСС с 1917 г.; Д. М. ЛОГИНОВ — член КПСС с 1917 г.; А. Р. ВОЛКОВА — член КПСС с 1917 г.; Н. В. ТРИФОНОВ — член КПСС с 1917 г.; Я. И. СТАРОСТИН — член КПСС с 1918 г.; С. П. ВЕСЕЛОВ — член КПСС с 1913 г.; А. И. ЧЕРВЯКОВ — член КПСС с 1917 г.; А. В. КУДРЯШОВ — член КПСС с 1920 г.; И. Т. ДУНАЕВ — член КПСС с 1917 г.; И. И. ИВАНОВ — член КПСС с 1906 г.; Д. С. САЛИВАН — член КПСС с 1906 г.; И. И. ДАХНО — член КПСС с 1905 г.; М. М. КОНСТАНТИНОВ — член КПСС с 1915 г.; В. А. ПОЛОНСКИЙ — член КПСС с 1918 г.; А. Г. ПЛАТОВ — член КПСС с 1917 г.; А. В. МАТЮШОВА — член КПСС с 1914 г.; А. М. ГИДИН — член КПСС с 1918 г.; И. П. ГАУЛИН — член КПСС с 1917 г.; А. С. ЗАСЛАВСКАЯ — член КПСС с 1917 г.; М. Я. РЕИС — член КПСС с 1919 г.; Я. С. ПАВЛИН — член КПСС с 1919 г.; Ф. Ф. БЕГА — член КПСС с 1919 г.

В КАРТИНЕ, о которой идет речь, никто никого не убивает, никто не умирает. В этом отношении в ней все благополучно. Было бы дело заканчиваясь свадьбой; правда, почему-то не очень веселой, скорее похожей на старый судебный процесс, где свидетели даващи присягу не лгать, однако все же свадьбой.

Но пока вы сидите в зрительном зале и смотрите фильм «Старая женщина», вас не покидает чувство глубочайшего уныния и тяжелой скуки. Да, полно, правда ли все это? Можно ли так тягостно и скучно жить, как живут герои? Почему все время вытираете слезы сидящая за накрытым праздничным столом такая на вид дородущая женщина? Чего она все время расстраивается, вспоминая свои прошлые горести? Ведь у нее — почет, уважение, полный досток, хорошая дочь, любящий зять! Чего ей еще?

Где, на каких дорогах жизни растеряла она способность быть веселой? Правда, авторы не поскупились и, что называется, устроили нелегкую жизнь своей героине. Только диву даешься, чего они только не натворили, чтобы окончательно испортить ее характер, сделать скучной, строгой и слезливой?

Верили памяти мужа-героя, а он оказался жин, поддел, бросил семью, сошелся с другой женщиной. Преследатель колхоза — растаяла и жулик, жена его — злобное исчадие ада; председатель сельсовета, а потом деятель районного масштаба — проходимец и клеветник — хуже не бывает; дочь героини любит сына отравительной взятчицы и самогонщицы, сам же сынок занимается спекуляцией и бьет стекла в избе будущей тещи (правда, он перевоспитывается поближе к финалу картины). Телата, и те дохнут на ферме от недомогания. Личное письмо, которое старая женщина почему-то хранила в папке с делами, становится предметом тяжелого разбирательства на общем собрании; там же долго не могут вынести жульнические маневры с коноплей и кукурузой; в странной роли тети Лисочки Жуликов, то летящий от незнания показав технический секретарь сельсовета, производящий многозначительно, но пустые реплики. Так что действительно, радоваться строгой женщи-

начинает казаться, что одного или двух испытаний мало для героя, и они натромодают. Не жалей сил, одни за другим злоключений, тягостные не столько своим драматизмом, сколько отсутствием в их решении поэтического начала.

В этих беспомощно сфотографированных событиях характеры не раскрываются, движение сюжета отсутствует, теряется ритм. Из числа показанных автором событий трудно подчас выделить те, которые могли бы стать кульминационными, переломными, после которых герой принял бы новое решение и взглянул на жизнь и на себя другими глазами.

Время у нас отличное. Требуется, здоровье, веселое, умное. Оно требует решительной перемены в психологии тех, кто еще часто живет черашним днем. Кто не хочет искать, кто довериться штампу (иной раз модернизированным) — по старинке думает, что любой фильм даже сделанный туп-лял, полдюжм, и будет битководостью выдерживает. Этим самым притягивает дерущихся нахалов. Он как бы говорит: ты меня бей, а я вытерплю ради твоего переосмысления. Некоторые поют называли такой слободой вести беседу «мужским разговором».

Это тоже не может не породить атмосферу унылости. Юные страстотерпы tones способны навести на зрителей немалую тоску.

У людей, вооруженных самой оптимистической философией Ленинизма, не могут быть стойкими настроениями уныния и грусти. Даже если они кое у кого считаются модными и противопоставляются примитивизму и схематичности иных неумелых творений. Но для борьбы с этими последними — эта борьба необходима — орудие унылой фотографии и непроможденное бессмысленных горестей не годится. Здесь нужны смелость, страсть и талант. Великая любовь к жизни и глубокое понимание того нового, что в ней ежедневно рождается. Здесь нужна огромная сила жизнестроения, заключенного не столько в материале, который берет художник, сколько во взглядах автора, в мировоззрении и характерах героев. Интонация уныния, односторонняя, скудная прежде всего появляется там, где отсутствуют живые, многогранные характеры. Когда происходит подмена рассказа о человеке с определенными складом ума и души, который сталкивается с другими людьми, рассказом о человеке — нестелете статических, заданных черт, о внешних обстоятельствах его жизни.

Тут-то, при таком решении, авторам

пессимиста из того анекдота о мальчике-пессимисте, который ни во что хорошее не верил и все видел исключительно в черном цвете.

До сих пор разговор шел о женщинах, но, надо сказать, что мужчинам — унылым, скучным, небритым — на экране отнюдь не меньше. Однако в отношении героев мужского пола мне хотелось бы указать не на эти примелькавшиеся персонажи, а на совсем новую, свежую тенденцию, которая, видимо, сложилась как протест против штампа, как антиштамп.

Уже в нескольких картинах и в одном сценарии мне довелось увидеть любопытный образ молодого непротивленца. Он обязательно немощен, хил, носит очки, он — студент, очень он и неприспособлен всяческому благородству. Но он странен. Его быт по ценам, был бы силен, с треском, со злобой, был бы ревностен, потому что героиням нравятся непритянуты, но современная интуиция Мышкин не отвечает на посыл. Он их смиренно и даже как бы гордо выдерживает. Этим самым притягивает дерущихся нахалов. Он как бы говорит: ты меня бей, а я вытерплю ради твоего переосмысления. Некоторые поют называли такой слободой вести беседу «мужским разговором».

Это тоже не может не породить атмосферу унылости. Юные страстотерпы tones способны навести на зрителей немалую тоску.

У людей, вооруженных самой оптимистической философией Ленинизма, не могут быть стойкими настроениями уныния и грусти. Даже если они кое у кого считаются модными и противопоставляются примитивизму и схематичности иных неумелых творений. Но для борьбы с этими последними — эта борьба необходима — орудие унылой фотографии и непроможденное бессмысленных горестей не годится. Здесь нужны смелость, страсть и талант. Великая любовь к жизни и глубокое понимание того нового, что в ней ежедневно рождается. Здесь нужна огромная сила жизнестроения, заключенного не столько в материале, который берет художник, сколько во взглядах автора, в мировоззрении и характерах героев. Интонация уныния, односторонняя, скудная прежде всего появляется там, где отсутствуют живые, многогранные характеры. Когда происходит подмена рассказа о человеке с определенными складом ума и души, который сталкивается с другими людьми, рассказом о человеке — нестелете статических, заданных черт, о внешних обстоятельствах его жизни.

К вопросу о мрачности

В КАРТИНЕ, о которой идет речь, никто никого не убивает, никто не умирает. В этом отношении в ней все благополучно. Было бы дело заканчиваясь свадьбой; правда, почему-то не очень веселой, скорее похожей на старый судебный процесс, где свидетели даващи присягу не лгать, однако все же свадьбой.

Но пока вы сидите в зрительном зале и смотрите фильм «Старая женщина», вас не покидает чувство глубочайшего уныния и тяжелой скуки. Да, полно, правда ли все это? Можно ли так тягостно и скучно жить, как живут герои? Почему все время вытираете слезы сидящая за накрытым праздничным столом такая на вид дородущая женщина? Чего она все время расстраивается, вспоминая свои прошлые горести? Ведь у нее — почет, уважение, полный досток, хорошая дочь, любящий зять! Чего ей еще?

Где, на каких дорогах жизни растеряла она способность быть веселой? Правда, авторы не поскупились и, что называется, устроили нелегкую жизнь своей героине. Только диву даешься, чего они только не натворили, чтобы окончательно испортить ее характер, сделать скучной, строгой и слезливой?

Верили памяти мужа-героя, а он оказался жин, поддел, бросил семью, сошелся с другой женщиной. Преследатель колхоза — растаяла и жулик, жена его — злобное исчадие ада; председатель сельсовета, а потом деятель районного масштаба — проходимец и клеветник — хуже не бывает; дочь героини любит сына отравительной взятчицы и самогонщицы, сам же сынок занимается спекуляцией и бьет стекла в избе будущей тещи (правда, он перевоспитывается поближе к финалу картины). Телата, и те дохнут на ферме от недомогания. Личное письмо, которое старая женщина почему-то хранила в папке с делами, становится предметом тяжелого разбирательства на общем собрании; там же долго не могут вынести жульнические маневры с коноплей и кукурузой; в странной роли тети Лисочки Жуликов, то летящий от незнания показав технический секретарь сельсовета, производящий многозначительно, но пустые реплики. Так что действительно, радоваться строгой женщи-

неприятная черточка истеричности. Из тумана недавно прошедших лет всплывает перед нами образ Марины (фильм «Судьба Марины»), тоже истеричной, непреклонной волевой и скучной. А если собрать воедино слезы, пролинные всеми этими женщинами, и улыбки, которыми они дарили окружающих, то счет будет явно не в пользу последних.

Совсем недавно пришлось мне читать комедию. Автор ее твердо уверен, что написал очень веселую вещь. Но его героиня в первой сцене плачет, затем злится, огрызается, далее спорится с любимым женихом, потом спорится с влюбленным в нее человеком, потом снова плачет, а потом уже скоро и комедия кончается.

И невольно, оглядывая галерею этих унылых, плаксивых женщин, вспоминаешь образ Александры Соколовой из «Челна правительства». Уж там-то, кажется, не было никакой лакировки, никакой фальшивой бодрости. Были там и слезы, и горести, но был живой, многогранный человеческий характер. Что-то лукавое, озорное жило в ней, вы смотрели на Соколову в М. Марешку и думали: Все-то эта милая, именинная женщина может, и работать, и песни петь, и любить, и смеяться. Вот уж истинно русский женский характер!

А теперь скучные пошлы на экране женщины. Какне-то не в меру следящие, уж очень пьющие, лишены многого женского лукавства, озорства. Нет, от таких ничего хорошего не жди. Шутить не любят. Веселье, смех, шалости — ни боем мой! Это могли себе позволить какие-нибудь вындорские проказницы, это тем было прости-тельно развлекаться!

Ну, как не затосковать, видя на экране всех этих женщин, так не похожих на живых современниц, которым ничто человеческое не чуждо? Как не пожалеть бедных актрис наших, которые по воле многих авторов играют роли героинь-резонерок, с первого кадра обрекаящих себя на жертвенность! С постыдным, ханжеским видом, обращаясь к молодому поколению и к зрителям, они заключают: уж вы, мол, живите, радуйтесь, а уж за вас пострадаю, поработаю, принесу себе, так сказать, в жертву будущее человечество!

Что может быть противнее ханжества? Ведь этак и кусок в горле застряет. Если поднесут его тебе с такой унылой, кислой миной, и разве в характере советского человека все время ты

ВОЛШЕБСТВО И РЕАЛЬНОСТЬ

По случаю обсуждения кандидатов на соискание Ленинских премий в Третьяковской галерее выставлены рисунки нашего товарища по созданию детской книги — художника Владимира Михайловича Конашевича.

Мы рады, что московская общественность может познакомиться с подлинными творческими работами в этой важной области искусства. Едва только возникла советская литература для детей, он стал отдавать весь свой ошеломительный, щедрый и разнообразный талант служению советским детям.

Великолепный мастер книжной графики, он создал к целому ряду детских книг иллюстрации, которые вошли в золотой фонд нашего искусства.

Его рисунки отличаются поэтическим очарованием, смелостью композиции и блестящей изобразительностью.

Чувство стиля всегда было свойственно Конашевичу: иллюстрируя народные русские песни и сказки, он творчески воссоздает и древнерусский орнамент, и народный лубок, и нашу старинную народную живопись. Его иллюстрации к английским песням («Плавает, плавает кораблик») впитали в себя английский стиль. Иллюстрации к фольклору Эфиопии и Судана («Приходи, сказка») тонко передают национальную манеру египетских и африканских мастеров, а иллюстрации к китайским «Сказкам старого Сюэя» выполнены в стиле гениальных китайских художников.

С. МАРШАК,
Корней ЧУКОВСКИЙ

Рисунок художника В. Конашевича из книги «Приходи, сказка» и заставка из книги «Старик-годовик».

В Комитете по Ленинским премиям в области литературы и искусства

16 февраля под председательством Т. М. Хренникова состоялось пленарное заседание Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства. Были заслушаны доклады — председатели секции изобразительных искусств Б. В. Иогансона и заместителя председателя секции театра и кино М. И. Червеля о результатах изучения и обсуждения выдвинутых кандидатов. В ближайшие дни пленум заслушает сообщения о кандидатурах в области литературы и музыки.

ОСТРАЯ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ И ГЕОГРАФИЯ СЕРДЦА

Звучат слова без сорама: «Дискриминация нема!»

Кому печаль моя повила? Кому? Кому? Та тилка ж ім, Шоб востаят у болоті гать, Шоб з виспи чорної конаті, Шоб в малярійному чаду Про шастя мрять кризь біду.

Шо голоду Іх гонить бич На муку й спеку, день і ніч, Шо в мареві тяжкого сну Плекають каву запахну, Рибалать, сіють, орють, жуть — І в непроглядну каламуть Бесилі падають... — Лий Ім Мою печаль, мій гнів повилі!

Уже из сопоставления двух столь несхожих между собой цитат можно видеть, как разнообразны творческие возможности Рильского. Газумкя, и на одной «асей» дудю можно сыграть много, в конце концов, и ее игра все те же семь звуков гаммы в разных сочетаниях. И, конечно, прав М. Рильский, когда в очень интересной книге своих статей и портретов «Литература и народ» утверждает, что есть гении среди поэтов, приверженных «одной мелодии». Но никоим образом не стремился унижить поэтов «одной мелодии» (если, конечно, это настоящая, серьезная мелодия, а не повторение малолитературного «своего» наигрыша), хотелось бы подчеркнуть куда большее значение и большую своеобразную творческую мощь поэтов другого типа, которых Рильский характеризует так: «Читай их — думаешь, что эти люди будто поставили себе целью охватить за свой смертный век всю человеческую жизнь в ее безграничном разнообразии, весь мир, всю природу с бесконечным богатством их красок, тонов и линий».

Сам Максим Рильский явно тяготел ко второму типу поэтов. Он стремился передать в своих стихах полноту мира, обязательную, порой причудливую взаимосвязь «большого» и «малого» в нем. Отсюда — широта его кругозора, простирающегося в книге «Далекие небосклены» от Восточной Европы до Южной Америки; от стилизации народной песни до излюбленных поэтом сонетов и октав; и многообразие содержания его лирики — от пейзажной зарисовки, проникнутой устойчивым чувством:

«...через моря І горв Усім, хто камінь б'є, хто землю рває оре, Хто вугіль добува І зеленія поля, Усім, чім трудом озябен земля».

Патетичность без риторики? У Рильского случаются стихи риторичные без патетики, но как исключение из правила. А образ его близкой душе патетики, его поэтической публицистики — да вот это хотя бы стихотворение:

Кому повилі печаль мою У цьому пишному краю, У цьому пеклі і раю, У цій шаленій суеті, В надокнаській тісноті, В бензаним проїнятих житті?

Кому повилі мою печаль Між хмародрапів і провалів, Де як іронія сама

Художник исполнил свой труд

«Так poesia, начавшись во мне, Жила, кипела, пыла».

(А. ТВАРДОВСКИЙ).

БЫЛО это без малого тридцать лет назад. Крохотное селенце затеряно в бескрайних привольных степях. Снежная зима. Сугробы выше нас. И среди этих сугробов — школа; беловатая глядит она в студеный мир замерзших, матово-седыми окнами. За одним из этих окон — детский заливистый хохот. Молодежь — лет двадцати — учительница никак не может водворить тишину в классе. Впрочем, она, кажется, и не особенно старается сделать это. Ее глаза как и глаза учеников, полны радостного смеха. Она утирает их и, изво всех сил пытаясь быть серьезной, читает дальше: «Подани взвар. Разговор прекратились. Слышно было только, как наводят рты да скребят ладони обливной чаши деревянные ложки. Тишина нарушалась лишь тогда, когда ложка каково-нибудь парничка начинала описывать внутри чаши круги в поисках разваренной гречи. В этот-то момент дед Аним облизывал свою ложку и звонко стучал ею провинившегося мальчика по лбу, вшугая: «Не вылавливай!»

слишком малой мерой своих познаний, ребята своего опыта. Однако как бы ни было он мал, этот опыт, но его оказалось достаточно, чтобы ощутить властную силу правды, заключенной в этой удивительной, воинству народной книге.

Все мы, писатели, критики, читатели, все мы, современники и соотечественники Шолохова, в меру своего разумения стараемся проникнуть в тайну изобразительного обаяния шолоховских строк. На одной из многочисленных встреч Шолохова с читателями его спросили:

— Скажите, пожалуйста, откуда вы добываете эти краски... образы?

Писатель ничего не промолвил в ответ. Лишь выразительным жестом указал куда-то вниз.

Все, конечно, поняли этот жест и громко аплодировали. А что, собственно, поняли? То, что писатель связан с жизнью, то, что он живет среди народа, живет с ним единою душой, страдает его страданиями, радуется его радостями? Все это, разумеется, так. Все это правда. Но ведь правда и то, что не один Шолохов живет так, — хорошо знают жизнь многие наши литераторы, да вот немногие из них удаются достигнуть шолоховских высот...

Да, немногим удается достигнуть шолоховских творческих высот. И объясняется все это в конце концов очень простой вещью: степенью дарования. Многие из нас родились и выросли в деревне, среди степей. Многие, выйдя из тесной обители, полной гудящих выдыхали холодный январский воздух, выдыхали, наслаждались его сладостью, чувствовали, ловили трепетно вздрагивающими, расширившимися ноздрями неуловимые, терпкие запахи и, захлебываясь ими, не знали, что же это... А он сказал нам, что это: «В конце января пахнут вишневые сады. В полдень где-нибудь в затишке (если пригревает солнце) грустный, чуть внятный запах вышневой коры поднимается с пресной сыростью талого снега, с могучим и древним духом проглянувшей из-под снега, из-под мертвой ледышки земли». Шолохов нашел для обозначения, для названия бесконечно тонких явлений предельно точные слова, так что мы забываем своего обаяния вновь чувствуем этот «чуть внятный запах». Нужно быть не просто зорким, нужно сердцем, душою слиться с родной природой, чтобы так ее почувствовать и так описать. А для этого нужно еще быть не просто талантливым человеком, а иметь талантливую душу. Талантливая душа... Ей же бог, это не выдумка! Умно, казалось бы, все понимающих разумом своим людей гораздо больше, чем таких, которые обладают счастливейшим даром земли — талантом души.

Слесарь Путиловского завода, городской житель Семен Давыдов, может быть, впервые в жизни своей оказался посреди белой, заснеженной степи. Он задремал в санях. И писатель, словно бы боясь, что его герой проспит все, будит его:

«Он проснулся от холода, взявшего в тиски сердце, и, открыв глаза, сквозь белеющие радужные радонное цветом слезинки увидел, как вдалеке солнце, величественный простор безмолвной степи, свинцово-серое небо и крошечный огонек и на белой шапке кургана недалеке — рыбно-желтую, с огненным отливом, лису. Лиса мышиным, казалась бы, все понимающих разумом своим людей гораздо больше, чем таких, которые обладают счастливейшим даром земли — талантом души».

«Он проснулся от холода, взявшего в тиски сердце, и, открыв глаза, сквозь белеющие радужные радонное цветом слезинки увидел, как вдалеке солнце, величественный простор безмолвной степи, свинцово-серое небо и крошечный огонек и на белой шапке кургана недалеке — рыбно-желтую, с огненным отливом, лису. Лиса мышиным, казалась бы, все понимающих разумом своим людей гораздо больше, чем таких, которые обладают счастливейшим даром земли — талантом души».

Читая такое, я, конечно, целиком был на стороне Макара, потому что мне самому, по приказу матери, не раз приходилось лезть под амбар за обреченными куриной яйцом, а потом страдать от куриных вшей, — даже сейчас, как вспоминаю, по коже пробегают нестерпимый зуд...

Если уж такое знает писатель, думаешь тогда мне, так как же не верить всему, о чем рассказывает он в своей книжке!

Разумеется, в то далекое время, читая «Поднятую целину», я мог применить ко всему рассказанному в ней

Очевидно, своими заметками я доставляю немалое огорчение тем литераторам, которые публично — устно и печатно и не без отценки горделиво констатируют — признаются в том, что предпочитают прозу беспейзажную. Однако я не могу поручиться за себя, что в дальнейшем удержусь от цитирования шолоховских пейзажей — уж слишком велико искушение...

КРИТИКИ и литературоведы в один голос утверждают, что Шолохов очень долго работает над созданием своих произведений. Да и сам писатель нередко говорил, что предпочитает работу медленную. Между первым и последним томами «Тихого Дона» пролегло двенадцать лет, а между первой и второй книгами «Поднятой целины» — почти три десятилетия. Куда уж медленнее!

Но вот что любопытно. Первая книга «Поднятой целины», учитывая шолоховские темпы, была написана в один раз. А к тому времени уже совершил свое триумфальное шествие по белу свету первый том «Тихого Дона», написанный в редкой быстроте; а еще раньше созданы десяти великолепных донских рассказов. И вот тут-то мы обнаруживаем, что Шолохов-писатель свойственно острее чувство современности. Едва отползала гражданская война, еще не просохли слезы на глазах казачек, потерявших мужей и сынов, еще дымилась пожарными донская, вволю напивавшаяся людской кровушкой земля, — юный Шолохов уже пишет свои рассказы и приступает к созданию великой эпопеи «Тихий Дон». Не завершил еще Григорий Мелехов своего трагического жизненного пути (для этого ему и автору романа потребуются еще много лет), как родные и милые его сердцу станицы и хутора были охвачены новым событием — началась коллективизация, когда «жизнь... встала на дыбы, как коровистый коб по перед трудным препятствием». Шолохов откладывает незавершенный гигантский труд свой и пишет первую часть «Поднятой целины», — книга вышла в свет чуть ли не в самый разгар описываемых в ней событий. Должно быть, это было в числе первых и притом сокрушительных ударов по теории исторической дистанции, которой болно уже удобно прикрывать и свою лень, и свою идейную робость. И — завидная судьба: только что вышедши в свет, книга в неслыханно малый срок завоевала сердца миллионов читателей. Она тотчас же и самым непосредственным образом включилась в историческую битву, развернувшуюся на селе. Давыдовы, Нагульновы и Найденковы понесли по крестьянским избам эту книгу — самого умного агитатора.

Казалось бы, автор сделал свое дело и мог спокойно поставить точку. Но он не поставил этой точки. После завершающих первых том многозначных и тревожащих слов: «Старое началось сызнова», слов, заново вписанных в нашу память, мы прочли: «Конец первой книги». Мол ли кто-нибудь из нас подумает в ту пору, что придется ждать более четверти века, прежде чем сможем полностью прочесть вторую книгу?!

Известно, что последние годы, вплоть чуть ли не до самой войны, Шолохов, уже зрелый мастер, напряженно работал над четвертым, завершающим эпопею томом «Тихого Дона». Вероятно, он вскоре после выхода в свет этого тома приступил бы к работе над второй книгой «Поднятой целины». Но помешала война. Оружие большого художника теперь нужно было в другом месте. И вскоре мы читаем «Науку ненависти». А потом, одна за другой, стали появляться главы нового романа «Они сражались за Родину» — и все это даже не по горячим следам событий, а внутри них, в самый их разгар. Писатель-коммунист отлично знает свое место в боевой цепи. Роман «Они сражались за Родину» — это то, что остается незавершенным. Но художник остро чувствующий современность, Шолохов не может долго ждать: о судьбах войны и мира, о судьбе своего народа, выдержавшего столь тяжкие испытания, он должен сказать, и сказать елико возможно быстрее, свое художническое слово. Так — в известной степени для читателей Шолохова даже неожиданно — явился рассказ «Судьба человека».

Ну, а теперь можно было вновь вернуться к дорогим его сердцу Давыдову и Нагульнову... Тем более, что жизнь опять уже властно звала великого писателя к деревне, где разворачивались в новых условиях новые дела.

Д. А. Многие из нас, читатели, полагают, что во второй книге «Поднятой целины» Шолохов шагнет от тридцати годов сразу же в пятидесятые. Так почему-то хотелось. Но писатель решил по-своему,

ибо еще не отдели донские соловьи его героям, не отдели еще в те, ставшие уже далекими и в то же время такие близкие и памятные годы. К тому же и на них можно глянуть зорким оком современника, перебросив мост от наших дней к тем дням...

«...Волне бригадной будки на разостланном ридне шестеро казаков реялись в карты...»

Бледный от бешенства, Давыдов подсканал к игрокам вплотную, крикнул срывающимся голосом:

— Это — работа? Почему не коните? Где Любинкин?

— Так нынче же воскресенье, — нерешительно отозвался кто-то из игроков.

— А погода будет ожидать вас?! А если дождь пойдет?!

Давыдов так круто повернул кая, что тот, побочив, ступил на ридно и вдруг, испугавшись необойчей опоры под ногами, встал на дыбы, прыгнул далеко в сторону. Давыдов резко качнулся, едва не потерял стремя, но все же удержался в седле...

Ох, как много сказано в этом «удержался в седле! Не просто в седле удержался Семен Давыдов, а, впрочем, всякое звание руководителя, вожака масс. Разве эта цена не поучительна для многих нынешних руководителей? А ведь таких сцен во второй книге «Поднятой целины» немало.

Долго мы ждали этой книги. Очень долго. Очевидно, и автор понимал это, и ему передались наше нетерпение. И вот в то одно место, то в другом начали появляться главы с коротким примечанием: «Из второй книги «Поднятой целины». Мы с жадностью набрасывались на них и читали, горячо обмениваясь впечатлениями. Большая часть из прочитанного доставляла нам радость и истинное наслаждение: чувствовалась шолоховская хватка. Было и такое, что огорчало. Да, да, огорчало! С нашей стороны было бы бесцельным по отношению к писателю, беспощадно правдивому в своем творчестве, умалчивать о том, что нам понравилось меньше или вообще не понравилось в новом его произведении. Разве мы не говорили промельком о том, что словесности и чудачествам милго дедушки Шукяра надобно было бы сделать известный «уворот». Право же, без некоторых его «чудинок» и побасенок можно было бы легко обойтись. Разве мы не чувствовали, что Шукяр с каних-то пор начал «побуксовать» и потому стал все меньше и меньше интересоваться нас. И только в самом конце романа дедушка Шукяр со своей большой душевной болью вновь породнился с нашим сердцем, сделался опять бесконечно близким. Трудно спокойно слушать старческое его жалобу: «...а вот я уже подыскивался, подкосили меня Макарушка с Давыдовым, уняли у меня жизни... С ними-то, может, и я бы лишник год-два прожил, а без них что-то мне тошнотаво стало на белом свете маячить...».

Так через душу этого чудачковатого, а в общем-то чудесного старика и в наше сердце вторгнулся пронзительная боль... Нет Давыдова, нет Нагульнова...

Моя старая учительница (спустя тридцать лет она, конечно, постарела) пишет мне: «Зачем он это сделал, зачем?». Ее нет рядом со мною, а я вижу в тех же глазах, когда-то сверкавших слезами радостного смеха, слезы горячи. В самом деле, зачем они погибли? Но что подделавать? Воля автора. Когда-то, заканчивая «Тихий Дон», он не то записал, не то сказал товарищам: кому-то хотелось потратить, кому-то угодить, но матушка-правда не велит.

А правда описываемых в романе была жестокой: кулакский обрыз не щадил дорогих нам людей.

Однако внимательнее прочтем заключительные строки романа: «Он долго стоял с непокрытой головой, словно прислушивался и ждал ответа, стоял не шевелясь, по-стариковски горько. Дул в лицо ему теплый ветер, накрывавший теплый дождь... За Дном бего вспыхивали зарницы, и суровые, безрадостные глаза Разметнова смотрели уже не вниз, не на обвалившийся край родной могилы, а туда, где за невидимой кромкой горизонта алым пыльным озарялось сразу полнеба и, будя к жизни засыпающую природу, величал и буянил, как в жаркую летнюю пору, ша последние в этом году грозы».

«Читай их — думаешь, что эти люди будто поставили себе целью охватить за свой смертный век всю человеческую жизнь в ее безграничном разнообразии, весь мир, всю природу с бесконечным богатством их красок, тонов и линий».

Сам Максим Рильский явно тяготел ко второму типу поэтов. Он стремился передать в своих стихах полноту мира, обязательную, порой причудливую взаимосвязь «большого» и «малого» в нем. Отсюда — широта его кругозора, простирающегося в книге «Далекие небосклены» от Восточной Европы до Южной Америки; от стилизации народной песни до излюбленных поэтом сонетов и октав; и многообразие содержания его лирики — от пейзажной зарисовки, проникнутой устойчивым чувством:

Ліс, повийтй ерібонерим димом, В синьві, у золоті, в іржі — Ніби осінь лезала нежданим В нєбі розписала вітражі...

Не почув ты ша глибока Голосу твоего, друже мій... Пам'ять серця, — о, вона жорстока, Та без неї тяжче, як при нї!

— до публицистических стихов, гневно не соглашающихся с теми деятелями западного искусства, об отношении которых к современной действительности лучше всего говорят тютчевские строки:

Они не видят и не слышат, Живут в сем мире, как впотмах...

Эти строки Рильский взял эпиграфом к стихотворению «Мы сидели в Гданьске». Представьте себе... А за окном — море, а над ним — «живое колесо» птиц разрывая «туман прозорий». Вот она, красота реальности, смотрите! Но разве поклонники искусства, живущего подпольными сумеречными фантазиями, в силах передать это живое играние жизни? Им это неинтересно. Что ж, поистине

«...На концерт глухих не варто кликати, А сліпим байдуже до картин».

Поэта очень часто сравнивали с зехом. Но как часто великая мира проходит через души многих поэтов, словно радио-волны сквозь стены домов — не задерживаясь. Влажен же поэт, у кого услышавшие и увиденное остается в памяти, фантазия в сердце.

Сердечная восприимчивость — вот, пожалуй, самое сильное, коренное качество музы Рильского. И потому-то он может в малом увидеть большое, за простенькой палочкой вспомнить шум Беловежья, почувствовать запах ветра из луци. Потому-то широки горизонты его поэзии, потому и зреет она

Максим Рильский. — Далекий небосклен. «Радяцький письменник», Київ, 1959. «Голосіська осінь», «Радяцький письменник», Київ, 1959.

Радій же, сердце! До останку пий Життя людського пінкстія наліп...

Ю. СУРОВЦЕВ

О ВЗЫСКАТЕЛЬНОСТИ

С БОЛЬШИМ волнением я ожидал публикации списка кандидатов на Ленинские премии. Когда, наконец, этот список появился, я увидел в нем много знакомых имен, прочел названия замечательных книг.

Неудомеи вызывают то, что в списке этом оказались и В. Черетин, автор романа «Саламандра», «Саламандру» я знаю хорошо, внимательно читал роман, потому что меня заинтересовала его тема, в самом деле важная и значительная: жизнь и труд делецаров уральского завода.

анне Орловой. С помощью Марианы удается в конце концов расправиться со злоном. Ее становится известна страшная тайна мужа, он боится разоблачения, хочет утопить Мариану, но гибнет сам. Соответствующая проверка подтверждает, что Пономарев действительно был резидентом иностранной разведки.

Развязка романа вполне благополучна: порок наказан, добродетель вознаграждена. Но главная тема соевых рассказов — в потоке мелодраматических событий. Не спасет положения и то, что на заключительных страницах заводскому коллективу удается в одну «сумасшедшую ночь» добыть высококачественную сталь «Саламандру», которая, правда, на первых порах еще «урюслива».

С. СЕВРГОВ, полковник в отставке

ИНДОНЕЗИЯ ВСТРЕЧАЕТ НИКИТУ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА

ДЖАКАРТА

В те далекие времена, когда Джакарта еще не существовала, а туки голландской саранчи едва начинали густеть над Малайским архипелагом, был на берегу Яванского моря небольшой портовый городок, и назывался он Сунда Келана. Шли годы. Во время междоусобных войн феодальных княжеств Сунда Келана был захвачен войсками противника... Битамский султан дал портовому городку новое название — Джакарта, что означает Славная Крепость.

В начале семнадцатого века в окрестностях Джакарты все еще бродили саранчи носороги. На гораздо опаснее диких зверей были хищники из Ост-Индской компании. Они спалили Джакарту дотла и на ее месте построили окруженный крепостными валами город, который окрестили Батавией.

Город рос. Постепенно в нем оседали выходцы из далеких краев, уроженцы разных островов. Они стремились найти какой-то общий язык. Так появился сочный джакартский диалект, на котором многие жители города говорят до сих пор.

Название «Батавия» исчезло с карты Явы после провозглашения свободы и независимости Республики. Теперь столица Индонезии носит гордое имя — Джакарта и будет носить его вечно.

Джакарта — огромный город. Его бесконечные расстояния нелегко преодолевать пешком. В липкой тропической жаре каждый шаг стоит десяти шагов в привычном климате... Железная дорога врезается в самую гущу города и стремительно пересекает его многолюдные кварталы. То тут, то там на пути пешехода неожиданно опускаются шлагбаумы: это прибывает экспресс «Сурабая-Джакарта» или отправляется скорый в Бандунг. И тогда у переезда останавливаются машины, велосипедисты спрыгивают на горячий асфальт, усталые рикши дышат глубоко и неторопливо вытирают пот со лба.

На верхнем снимке изображен один из таких перекрестков. Но сейчас поезд далеко, шлагбаумы смотрят вверх, и ничто не мешает уличному движению.

В центре города — огромная квадратная площадь Свободы. Она настолько велика, что каждая из ее четырех сторон носит еще дополнительное название: Утара, Слатан, Барат и Тимур (Север, Юг, Запад и Восток).

Площадь окаймлена узкими тенистыми аллеями, по которым в двух направлениях катят велорикши (снимок слева). По улицам вдоль аллей движутся машины и грузовики...

Когда же спускаются ранние сумерки, — круглый год солнце на Яве восходит в шесть утра и заходит в шесть вечера, — жизнь в Джакарте быстро затихает.

Еще немного, и город погружается в сон. Завтра — новый день...

...П ОЛТОРАСТА тысяч лет назад здесь было глубокое озеро, полтораэта лет назад — непроходимые джунгли. Сейчас на этом месте — сверкающий ослепительно яркими красками Бандунг. Город ворвался в джунгли, пробил себе дорогу сквозь цепкие тропические заросли, смял высокие колочные травы и гордо врос в благодатную землю.

Мы продолжаем печатать серию очерков нашего специального корреспондента, возвратившегося недавно из Индонезии.

Город цветов Бандунг

В. ОСТРОВСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Лес отступил, но не сдался. Все здесь напоминает о его прежней власти: гигантские оперирующие наконечники зеленые опалала банановых деревьев, неудержимо рвущиеся вверх пучки бамбука, надменные кокосовые пальмы, крапивоидные, тяжелые, словно страдающие одышкой варингины, заскорузлые воздушные корни, жадными пальцами тянущиеся к земле...

А в лунные ночи чудится, будто Бандунг — заколдованный город, тихо поднявшийся со дна древнего озера. На белых стенах одноэтажных домиков остролистые тени пальм кажутся такими черными, словно их нарисовали углем. Слабый ветерок доносит откуда-то аромат дерева «чемпана». В лунном перламутровом сиянии четко вырисовываются странные контуры горы Тангкубанпраху, похожей на перевернутую лодку...

В небольшом домике на окраине города я встретился с молодыми бандунгскими писателями и художниками. Они пригласили меня побеседовать за чашкой чая о работе бандунгского отделения ЛЕКРЫ (Общества народной культуры), о сунданской литературе, о трудностях, которые лекровцам все еще приходится преодолевать.

Мы все сидели на полу, поджав под себя ноги, и говорили без умолку до поздней ночи. Посреди комнаты на тонких циновках было разложено уютоще: «нагасари» — горсти вареного риса с ломтиками бананов, аккуратно завернутые в темно-зеленые конвертики из пальмовых листьев, «качанг» — крупные круглые жареные бобы, и «миср» — лакомство, которым потчуют своих гостей все бандунгские хозяйки. «Миср» — это сокращенное название. Состоит оно из последних слогов двух сунданских слов: «амис диджер», что означает «сладкое внутри». «Сладкое» — это пальмовый сахар, залеченный в тесте из тапиоковой муки. Впрочем, все это можно было бы изложить гораздо короче: у нас «миср» называлась бы просто... пончиком.

Среди гостей был И. Ч. Рахма, молодой писатель, нередко выступающий в печати с короткими рассказами на социальные темы.

— Если бы вы знали, какую огромную роль сыграла ЛЕКРА в моей жизни! — сказал он. — Страшно даже подумать о том, что со мной стало бы, не вступи я в эту организацию...

— Что вы имеете в виду?

— Видите ли, я родился в очень богатой семье. Мой отец — состоятельный земледельец. Жил я в Гаруте — небольшом западнояванском городе. Кстати, вам, наверное, будет интересно узнать, что нашим соседом был знаменитый писатель Абдул Мунис. Да, да, я знаю, что вы хотите сказать! Его историческая повесть «Сурапати» переведена на русский язык. Это мне хорошо известно!

— Погодите! А известно ли вам, что «Сурапати» переведен также и на узбекский язык? Знаете ли вы, что скоро будет издан на русском языке роман Абдула Муниса «Неправильное воспитание»?

Рахма весело засмеялся:

— Нет, чего не знаю, того не знаю! Для меня это и в самом деле радостные новости... Ну так вот, жил я в Гаруте, учился в школе при католической миссии и не знал толком, что творится вокруг. Начал школу, перебрался в Бандунг, а ума-разума все еще не набрал. Отец мне присылал деньги, заботы у меня не было никаких, вот я и развлёкся, как мог. Что делал? Играл в бильярд и танцевал. Больше ничего. Но так продолжалось недолго. Мой дядя, видный деятель профсоюзного

движения, раскрыл мне глаза. Он пристыдил меня, рассказал о тяжелом труде крестьян, о суровой жизни рабочих, об их повседневной борьбе за миску риса, о бессонных ночах индонезийских матерей, о нелегкой участи всего нашего народа, ограбленного и разоренного голландскими колонизаторами.

Рахма замолчал, и в комнате стало совсем тихо. Преодолевав волнение, он заговорил снова:

— Разговор с дядей потряс меня. Несколько дней я ходил сам не свой. В моей жизни наступил перелом. Я стал думать... Заботы народные стали моими заботами. Я начал писать рассказы о жизни простых людей. Потом вступил в ЛЕКРУ. Теперь мой путь ясен...

Пока Рахма говорил, один из художников быстро набросал карандашом его портрет: красивое худощавое лицо, живые глаза, тонкая черная полоска усов.

Рахма пишет свои рассказы на индонезийском языке. Но среди бандунгских лекровцев — немало писателей, продолжающих писать по-сундански. Это — богатый, мелодичный язык, который еще в давние времена прозвали «французским языком Малайского архипелага».

В городах Западной Явы издаются сунданские журналы — такие, как, например, «Варга», «Мангле» и «Куджанг», публикующие стихи и рассказы сунданских литераторов. В Бандунге выходит ежедневная газета на сунданском языке. («Единственная сунданская газета, во всем мире!» — с необычайной гордостью сказал мне один из ее редакторов.)

К сожалению, пресса, несмотря на ее огромное значение, до сих пор еще не в состоянии охватить все слои населения. Как говорит индонезийская поговорка: «сердце хочет обнять гору, но что поделаешь — руки недостають».

Даже в Бандунге — центре сунданской культуры — около тридцати процентов жителей не умеют ни читать, ни писать. Господин Сариджан, член муниципального совета, говорил мне, что сейчас на всех городских предприятиях — будь то государственных или частных — работают кружки по ликвидации неграмотности.

— Еще два-три года, и в Бандунге не останется ни одного неграмотного! — сказал он с твердой уверенностью в голосе...

В маленькой кофейной на улице Чинчедо всегда много народу. На длинном дощатом столе выставлены рядком большие широкогорлые бутылки с привтертыми пробками. (В таких бутылках индонезийские торговцы держат печенье и пряники — иначе не убежишь ни от мух, муравьев и прожорливых личинок.) На стенах развешены упругие гроздья бананов, в плетёных корзинках — ананасы, мангисы и мандарины. В этой кофейной я познакомился с Абдулом Хартой. Он работает на знаменитом фармацевтическом заводе, выпускающем пятьсот миллионов таблеток хинина в год.

— Пять лет назад, — сказал мне Абдул, потгивая кофе из высокого стакана, — в нашей семье было трое неграмотных: моя жена, я сам и четвернлетний Руслан. Читать и писать умели только его старшие братья-близнецы. Им тогда уже было по девять лет. Теперь мы все умеем читать — и я, и жена, и Руслан. Но... (Абдул с шуточно-тайнственным видом поднял

предостерегающий палец)... опять у нас трое неграмотных!

Вдоволь насладившись моим недоумением, Абдул с веселой улыбкой продолжал: — И знаете, кто они? Это — наша дочка Виндувати трех с половиной лет, сын Арифин двух лет и дочь Масрифак шести месяцев!

Абдул хорошо поет и играет на свирели. Надо сказать, что свирель — «сулинг» — принадлежит к числу самых популярных музыкальных инструментов из Западной Явы. Раньше сунданские народные песни были очень печальны. Старинки любили объяснять это по-своему: сунданцы, мол, оплакивают древнее княжество Пасундан, покоренное японцами, и прекрасную принцессу, погибшую по вине жестокого чужеземца.

Известный композитор Коко Косвара, с которым я познакомился в Бандунге, придерживается иного мнения.

— Я сочиняю народные песни в новом, необычном стиле: веселые, бодрые, жизнеутрадные, — говорил он мне. — Конечно, при голландах нам было не до веселья. Зато сейчас...

Сейчас песни Коко Косвара — он пишет и текст, и музыку — поют почти во всех деревнях Западной Явы. Очень задорные, с большим чувством юмора, они воспевают крестьянский труд, высмеивают лень и нерасторопность.

Сунданцы на редкость музыкальны. У меня был интересный разговор на эту тему с г-ном Даэнгом Сугитня, руководителем Ведомства культуры.

В провинции Западной Ява — бесчисленное множество любительских музыкальных коллективов, — сказал мне. — Одних только крупных англунгов оркестров двадцать два! А мелкий я уже не говорю... Или возьмите, например, наш знаменитый хор «Ганда Мекара», исполняющий народные песни в сопровождении гамелана. Ведь он выступал даже на Суматре. А какие у нас чудесные свирельные оркестры!

В одном из них играет мой друг Абдул. К сожалению, мне так и не удалось его послушать. Объявленный концерт был отложен, а мне пора было уезжать. Зато мы успели поговорить с ним обо всем на свете.

— Вам, наверное, трудно даже понять, что значит стать грамотным в солидном возрасте. — Мне тридцать девять лет, скоро уже скоро. Сколько я потерял в жизни! Теперь мне кажется, что у меня — тысяча глаз. Что хочу, то и вижу — хоть за океаном. Вот страну вашу увидел, представил себе ясно-ясно... А все потому, что постоянно читаю о ней — не пропускаю ни одной строчки в газете.

Лето Абдула расплылось в широкой счастливой улыбке, и его темные глаза стали совсем узкими...

Слово «неграмотный» переводится на индонезийский язык двумя словами: «буха хурух», «буха» — «слепой», «хурух» — «буква». Оба слова означают «не видящий буквы». В Индонезии еще много таких «неграмотных».

Как же в этих условиях работает Ведомство информации?

— У нас нелегкая задача, — сказал мне г-н Рукуми, один из руководителей ведомства. — Судите сами: в провинции Западной Ява — пятнадцать миллионов жителей с высоким процентом неграмотности. Газеты у нас выходят небольшими тиражами. Простой пример: для московского издания миллион

экземпляров — обычное дело, а в городах Западной Явы самый высокий тираж газеты — тридцать пять тысяч. Тираж брошюр, которые издает наше ведомство, — самое большее тридцать тысяч. А ведь они посвящены важнейшим вопросам: подготовка к выборам, строительство дорог, борьба с наводнениями...

— Скажите, пожалуйста, господин Рукуми, в какой мере Ведомство информации использует радио?

— Радио? Конечно, это — большое подспорье. Но далеко не каждый может купить приемник. Что же касается трансляционной сети, то для этого, как известно, необходимо электричество. А многие наши деревни пока еще не электрифицированы. Телевидение? Это — дело будущего... Как видите, нам недоступны обычные методы информации — методы, которыми пользуются страны с высоко развитой техникой. Поэтому нам приходится прибегать к своим собственным, особым средствам.

— Какие же это средства?

— «Армия информации». Наши сотрудники на местах: две тысячи ганцов, две тысячи гаштаев Ведомства информации. Каждый из них — это «человек-радио», каждый из них — это «человек-газета». Они приходят на рисовые поля, поднимаются в горные селения, заходят в крестьянские хижины и заменяют собою радио и газету. В каждом районе — а район у нас состоит примерно из полутора десятка деревень — постоянно живут три наших сотрудника. Они чувствуют себя свободно среди местных жителей, пользуются доверием и уважением. Они — у себя дома...

В глухой западнояванской деревушке я видел, как работает «гаштаг» Ведомства информации. На небольшом ярдыне, подвешенном между двумя деревьями, прямо под открытым небом демонстрировался документальный фильм об экономических достижениях Индонезии.

Сельский староста, стоявший рядом со мной, тихо проговорил, наклонившись в мою сторону:

— Сколько еще нам предстоит сделать! Ведь на гладком месте начинаем. Как хорошо, что Советский Союз помогает нашему народу!

И уже ни к кому не обращаясь, добавил: — Крысы-голландцы... Что они здесь натворили!

Есть на Яве один интересный обычай. Если ребенок заболел и долго не выздоравливает, родители меняют ему имя. (Они считают, что прежнее имя было выбрано неудачно и не приносит ребенку пользы.)

Триста пятьдесят лет голландцы именovali свою колонию Нидерландской Индией. Индонезийцы отвергли это чуждое имя, а заодно и голландский язык, который выдумали.

МЫ ИСПЫТЫВАЕМ ЧУВСТВО ВОЗМУЩЕНИЯ

Заявление группы советских ученых и деятелей культуры по поводу проведения французским правительством испытаний атомного оружия в Сахаре

Вместе с миролюбивыми людьми во всех странах мы испытываем чувство возмущения по поводу того, что французское правительство произвело атомный взрыв в Сахаре, бросив вызов мировой общественности, которая решительно выступает за прекращение навсегда испытаний ядерного оружия. Французское правительство игнорировало принятую Генеральной Ассамблеей ООН резолюцию, призывающую Францию воздержаться от проведения испытаний своего атомного оружия.

В то время, когда на переговорах трех держав в Женеве уже достигнута договоренность по ряду важных вопросов о прекращении испытаний ядерного оружия, атомный взрыв в Сахаре может лишь осложнить заключение соглашения, которого так ждут все народы. Атомный взрыв в Сахаре, произведенный после того, как в течение длительного времени Советским Союзом, Соединенными Штатами и Англией не проводились испытания ядерного оружия, не может не сыграть на руку противникам разоружения. Разве не ясно, что подобные действия французского правительства могут поддержать те круги на Западе, которые выступают за продолжение и усиление гонки ядерных вооружений.

Осуждая этот шаг французского правительства, мы присоединяем свой голос к требованию широких кругов мировой общественности добиться скорейшего прекращения испытаний ядерного оружия повсеместно и навсегда.

- А. НЕСМЕЯНОВ** — президент Академии наук СССР, **Н. ТИХОНОВ** — писатель, **А. КОРНЕЙЧУК** — драматург, **А. ТУПОЛЕВ** — авиаконструктор, **С. КОЕНЕН** — народный художник СССР, **Д. СКОБЕЛЬЦЫН** — академик, **Н. ПОПОВА** — общественный деятель, **Г. МИТЕРЕВ** — председатель исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, **А. ТОПЧИЕВ** — академик, **С. ГЕРАСИМОВ** — киорежиссер, **Е. ФЕДОРОВ** — член-корреспондент Академии наук СССР, **З. ЛЕБЕДЕВА** — общественный деятель, врач, **А. ХОРВА** — народный артист СССР, **Н. ЗАРЬЯН** — писатель, **Н. КОВАЛЕВ** — член-корреспондент Академии наук СССР, **М. КОЛОМИЧЕНКО** — хирург, заслуженный деятель наук, **Б. ПОЛЕВОЙ** — писатель, **Н. СЕМЕНЧЕНКО** — академик, **Н. ВЛОХИН** — президент Академии медицинских наук, **В. ЛОВЕИКО** — главный архитектор Москвы, **Л. ПРИДЕДЬБЕРИ** — народная артистка СССР, **М. РУБИНШТЕЙН** — доктор экономических наук.

АНКЕТА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Редакция обратилась к ряду зарубежных деятелей движения в защиту мира, присутствовавших на Конференции советской общественности за разоружение, с просьбой ответить на вопрос: — Каковы, по Вашему мнению, основные задачи борьбы за разоружение в Вашей стране и во всем мире? Публикуем полученные ответы.

Гордон ШАФФЕР, председатель Английского комитета защиты мира

Выиграть мир!

Намеченная на март встреча Комитета десяти по разоружению и совещание в верхих, которое должно состояться в Париже в мае, — большой шаг вперед. Такой объединяющий ход событий стал возможен благодаря давнему мировому общественному мнению, этому способствовали также советские предложения о всеобщем разоружении и единый призыв к разоружению, с которым обратилась к государству Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Нужно добиться, чтобы на этих предстоящих встречах

Улица Брага в центре Бандунга. Фото автора

были приняты конкретные меры по прекращению «холодной войны» и выработке основ сосуществования и мира. Мы должны признать, что поборники «холодной войны» и гонки вооружений все еще сильны. Претензии американцев на право проводить подземные атомные взрывы и взрыв французской атомной бомбы в Сахаре рассчитаны на то, чтобы помешать заключению соглашения о прекращении испытаний.

Попытки Аденауэра ликвидировать прогресс в решении европейских проблем, достигнутый во время прошлого года переговоров Макмиллана в Москве и на Женевском совещании министров иностранных дел минувшим летом, служат предупреждением всему миру. Ибо если переговоры между Западной Европой и Востоком, уже сейчас разрешено подвратить стремление народов к миру, международное положение станет еще более напряженным.

Сейчас задача народов — не дать возможностям мирного разрешения споров. В Англии мы планируем ряд мер, которые должны завершиться в следующей делегации в Париж во время совещания на самом высоком уровне.

Мы не ожидаем чуда. Очевидно, потребуются серия совещаний глав правительств, прежде чем мы сможем сказать, что военные союзы действительно ликвидируются и что «холодная война» заменена мирным сосуществованием. Если будет достигнуто разумное решение берлинского вопроса, запрещено ядерное оружие, прекращены атомные испытания, предприняты первые шаги для сокращения вооружений при согласованном международном контроле. — 1960 год станет первым годом новой эры. Затем можно будет перейти к более радикальным мерам. И тогда мы получим право рассчитывать на мир, в котором успехи науки, доступные нам ресурсы обеспечат лучшую жизнь человечеству.

Пока же мы не должны ослаблять усилий. Борьба за мир еще предстоит выиграть!

Джойс ЛУССУ, италийская общественная деятельница, писательница и журналистка

Миролюбивые чувства — могучая сила

По-моему, главная задача движения сторонников мира и у меня на родине, и в других странах заключается в том, чтобы подготавливать общественное мнение к сознательному участию в решении вопросов войны и мира.

До недавнего времени эти вопросы решались узким меньшинством, а все тяготы войны обрушивались на народы, которые не успевали ни выразить свою волю, ни сказать своего мнения.

Только когда решение важнейших вопросов будет поставлено в зависимость от волеизъявления народов, появятся гарантии прочного мира и одновременно установятся новые нормальные условия жизни людей, неведомые до сего времени в истории человечества, которому издревле внушали, что война — роковая неизбежность.

Хотя трудящиеся всего мира всегда любили мир и стремились к нему, они были вынуждены участвовать в войнах. Почему? Противоречию этому должен быть положен конец. Если воля народов превратится в действительную историческую силу, мир воцарится навсегда.

У меня на родине, где еще продолжают господствовать силы консерватизма и реакции (которым, правда, противостоят очень мощная народная оппозиция, получившая на последних выборах около 40 процентов голосов), борьба за прогресс и демократию ведется под знаменем борьбы за мир.

В прошлом итальянский народ неоднократно, чаще чем многие другие народы, переживал ужасы войны и иностранных вторжений. Гитлеровские полчища прошли мою родину от Сицилии до Альп, оставив кровавые следы на своем пути и сев скорбь. Новая война означала бы для Италии ее полное уничтожение.

Задача движения за мир заключается в том, чтобы воплотить миролюбивые чувства и устремления в конкретную силу, способную стать могучим историческим фактором.

Эрвин КОК, член Австрийского совета мира

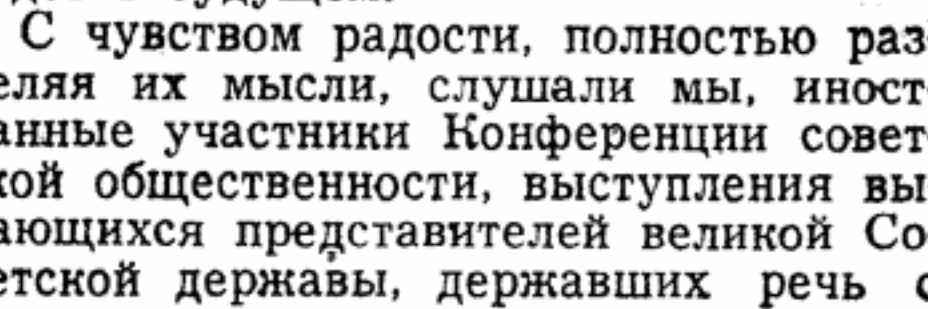
Ничто не останется!

Каждый миролюбивый человек, где бы он ни жил и кем бы он ни был, должен от всего сердца приветствовать предложение о полном разоружении. В наше время, когда атомная война приведет лишь к уничтожению всего живого и поэтому может стать лишь проявлением ужасной безответственности и безумия, полное разоружение — тот путь к прочному миру, о котором мечтает человечество. Только полное разоружение способно сохранить жизнь народов в будущем.

С чувством радости, полностью разделяя их мысли, слушали мы, иностранные участники Конференции советской общественности, выступления выдающихся представителей великой Советской державы, державших речь о вопросах разоружения.

Все сказанное выше четко обрисовывает перед нашими глазами величие и непереходимую важность борьбы за всеобщее и полное разоружение. С чувством глубокой благодарности участвовали мы в работе этой замечательной конференции, которая ярко продемонстрировала, являя пример для других, как советский народ с энтузиазмом и самоотверженностью идет по пути мира и прогресса, делая это ради всего рода человеческого. Мы желаем Советскому Союзу и его гражданам успехов и радости во всех областях их труда!

Мы же в своих странах на Западе — и чем раньше, тем лучше — будем следовать тому примеру, который указывает путь к осуществлению великой цели. Правда, у нас еще активно действуют силы, держащиеся за старые традиции, а идея полного разоружения пока еще слишком нова, чтобы найти такой же сильный резонанс, как это имеет место здесь. Поэтому мы должны сменить с дороги старые баррикады, переориентирующиеся в западных странах путь к всеобщему разоружению и миру! Это требует не только времени, но и разного рода жертв. Но нас ничто не остановит. Мы будем вести борьбу за то, чтобы между людьми и народами всех континентов установился прочный мир, мир во всем мире.

Каору ЯСУИ, профессор, японский общественный деятель

У нас, в Японии

Борьба за разоружение в Японии — это в первую очередь борьба в защиту нашей мирной конституции. Наша конституция и я предпринимает отпор. Страны, которые не успевали ни выразить свою волю, ни сказать своего мнения.

Только когда решение важнейших вопросов будет поставлено в зависимость от волеизъявления народов, появятся гарантии прочного мира и одновременно установятся новые нормальные условия жизни людей, неведомые до сего времени в истории человечества, которому издревле внушали, что война — роковая неизбежность.

Хотя трудящиеся всего мира всегда любили мир и стремились к нему, они были вынуждены участвовать в войнах. Почему? Противоречию этому должен быть положен конец. Если воля народов превратится в действительную историческую силу, мир воцарится навсегда.

У меня на родине, где еще продолжают господствовать силы консерватизма и реакции (которым, правда, противостоят очень мощная народная оппозиция, получившая на последних выборах около 40 процентов голосов), борьба за прогресс и демократию ведется под знаменем борьбы за мир.

В прошлом итальянский народ неоднократно, чаще чем многие другие народы, переживал ужасы войны и иностранных вторжений. Гитлеровские полчища прошли мою родину от Сицилии до Альп, оставив кровавые следы на своем пути и сев скорбь. Новая война означала бы для Италии ее полное уничтожение.

Задача движения за мир заключается в том, чтобы воплотить миролюбивые чувства и устремления в конкретную силу, способную стать могучим историческим фактором.

Борьба за разоружение в Японии — это в первую очередь борьба в защиту нашей мирной конституции. Наша конституция и я предпринимает отпор. Страны, которые не успевали ни выразить свою волю, ни сказать своего мнения.

Только когда решение важнейших вопросов будет поставлено в зависимость от волеизъявления народов, появятся гарантии прочного мира и одновременно установятся новые нормальные условия жизни людей, неведомые до сего времени в истории человечества, которому издревле внушали, что война — роковая неизбежность.

Хотя трудящиеся всего мира всегда любили мир и стремились к нему, они были вынуждены участвовать в войнах. Почему? Противоречию этому должен быть положен конец. Если воля народов превратится в действительную историческую силу, мир воцарится навсегда.

У меня на родине, где еще продолжают господствовать силы консерватизма и реакции (которым, правда, противостоят очень мощная народная оппозиция, получившая на последних выборах около 40 процентов голосов), борьба за прогресс и демократию ведется под знаменем борьбы за мир.

В прошлом итальянский народ неоднократно, чаще чем многие другие народы, переживал ужасы войны и иностранных вторжений. Гитлеровские полчища прошли мою родину от Сицилии до Альп, оставив кровавые следы на своем пути и сев скорбь. Новая война означала бы для Италии ее полное уничтожение.

Задача движения за мир заключается в том, чтобы воплотить миролюбивые чувства и устремления в конкретную силу, способную стать могучим историческим фактором.

Главный редактор **С. С. СМРНОВ**.

Редакционная коллегия: **В. Н. БОЛХОВИТИНОВ**, **Ю. В. БОНДАРЕВ**, **Б. А. ГАЛИН**, **Г. Д. ГУЛЯ**, **В. А. КОСОЛАПОВ** (зам. главного редактора), **М. М. КУЗНЕЦОВ** (зам. главного редактора), **Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ**, **Г. М. МАРКОВ**, **В. С. МЕДВЕДЕВ**, **В. А. СОЛОУХИН**, **Е. Д. СУРКОВ**, **А. С. ТЕРТЕРЯН**.

Союз писателей РСФСР и Союз писателей Марийской АССР с глубоким прискорбием извещают о смерти марийского писателя **Никандра Сергеевича ЛЕКАЙНА (ЕРЕМЕЕВА)** и выражают соболезнование семье покойного.